

другой сборник, традиционно именуемый также «Изборником Святослава», хотя, как правильно определяет исследование, предпосланное новейшему изданию рукописи, точнее называть его «Изборником 1076 г.»: нет оснований предполагать, что князь Святослав был заказчиком его.⁴ Однако именно запись писца этой рукописи свидетельствует о богатстве княжеской библиотеки, причем в составе ее обнаруживается много произведений на темы общественной и личной морали.

Книголюбями были в XIII в. и князья волынские. Летопись упоминает, что князь Василько Романович владел двумя «сборниками». Похвальная грамота Владимиру Васильковичу свидетельствует (Ипат. лет., 1289 г.), что князь «глаголаше ясно от книг, зане бысть философ велик». Выше это книголюбие отмечено еще пышнее: «бысть книжник велик и философ, акого же не бысть во всей земли и ни по немь не будеть». Князь в беседе с епископом «повестив много от книг» (Ипат. лет., 1288 г.); ср. далее: «со епископы и игумены... много беседоваше от книг» (там же). Рассказывая о строительстве церкви и о дарах князя им, летопись среди этих книг называет «еуангелие опракос, апостол опракос и парамия (Паримейник) и съборник отца своего» (там же). В другую монастырскую церковь вместе с Евангелием и Апостолом князь отдал «съборник великий отца своего» (там же). По его заказу было списано житие «святаго Дмитрея всего» (Селунского). Среди книжных даров в церкви «Любомлина» называются заказанные князем «прологы 12 месяца изложено жития святых отец и деяния святых мученик», «менеи 12», и «триоди и охтай, и ермолии... служебник святому Георгию, и молитвы вечернии и утрьнии»; «молитвенник» он купил для той же церкви за «8 гривен кун» (Ипат. лет., 1289 г.).

Итак, из книг своего отца Владимир Василькович отдал два «съборника», причем один из них был особо отмечен названием «великий». Н. К. Гудзий предположил, что это был список «Бесед Григория Двоеслова».⁵

Были книголюбями и среди черниговских князей. Киево-Печерский патерик, рассказывая о благочестии князя черниговского Николы Святоши, о его богатстве и щедрости («аще и много имяше, но та вся на потребу странним и нищим подаваше и на церковное строение»), добавляет: «суть же и книги его многыя и доныне»; возможно, что после ухода князя в монастырь эти книги вошли в монастырскую книжницу.⁶

Традиции книголюбия перешли, видимо, и к московским князьям, о чем свидетельствует предание о знаменитой библиотеке Ивана Грозного, а также его широкая начитанность, позволяющая считать царя «одним из образованнейших людей своего времени».⁷ Библейские книги и религиозно-учительная литература нашли достаточно широкое отражение в его сочинениях.

Хорошо известно, что все крупные монастыри древней Руси накапливали рукописные, а с XVI в. и печатные книги, не только необходимые для церковных служб, но и «четьи», среди которых преобладали «душеполезная словеса» религиозно-учительной книжности. Запрещая монахам владеть личным имуществом, монастырский устав не распространял это

⁴ Изборник 1076 г. М., 1965, стр. 31.

⁵ См.: История русской литературы, т. II, ч. 1. М.—Л., 1945, стр. 19.

⁶ Д. Абрамович. Киево-Печерский патерик. У Києві, 1931, стр. 114 (далее: Д. Абрамович).

⁷ Д. С. Лихачев. Иван Грозный — писатель. — В кн.: Послания Ивана Грозного. Подготовка текста Д. С. Лихачева и Я. С. Лурье. Перевод и комментарии Я. С. Лурье. М.—Л., 1951 (серия «Литературные памятники»), стр. 455.